

Хочется верить, что в современном обществе дружба рассматривается как одна из основных ценностей не только в обществе, но и во взаимоотношениях между народами.

И в заключение хотелось бы процитировать стихотворение:

Язык отцов – наследие святое,
Глубокий, острый, сильный, словно клык.
Своих детей заботливой рукою
К себе притягивает мой родной язык!
Любой язык по-своему велик,
Бесценное наследство вековое.
Так берегите свой родной язык,
Как самое на свете дорогое.

Литература

1. Дружинин, В. Ф. Этика. Курс лекций / В. Ф. Дружинин, Л. А. Демина. - М.: Изд-во МГОУ, 2003. - 176 с.
2. Кон, И. С. Дружба: этико-психологический очерк / И. С. Кон. - М.: Политиздат, 1989. - 348 с.

ГРААЛЬ И ГНОСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Е. К. Сельчёнок

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: elena.selchenok@gmail.com

В статье рассматриваются гностические образы в германской культуре Средневековья. В центре внимания легенда о Граале, «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, восходящие к гностицизму средневековые ереси [катаризм], а также духовный орден тамплиеров.

Ключевые слова: гностицизм, гносис, Грааль, ересь, катары, тамплиеры.

GRAIL AND GNOSTIC IMAGES IN THE MIDDLE AGES CULTURE

E. K. Selchenok

Belarusian State University,
Sociocultural Communications Department,

Kurchatov Str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: elena.selchenok@gmail.com

The article examines gnostic images in the German culture of the Middle Ages. The legend of the Grail lies in the center of attention together with «Partzal» by Wolfram von Eschenbach dating back to gnosticism of medieval heresy [catharism] and the spiritual order of the Templars.

Key words: gnosticism, gnosis, Grail, heresy, cathars, Templars.

Через страдание к знанию,
от знания к состраданию, че-
рез сострадание – к любви.

R Вагнер. Парсифаль

Проникновение гностических идей в древнегерманскую культуру непосредственно связано с процессом христианизации германских племен, начало которого протекало на фоне освоения германцами римско-эллинистической культуры как целостного комплекса, активного формирования церковной догматики, выделения ересей и борьбы с ними. Характер взаимодействия между поздним древнегерманским язычеством и ранним, еще только формирующимся христианством предопределил активное заимствование и органичное усвоение гностических идей национальными культурами германских народов.

Христианизация части германских племен преобразила многие сюжеты древнегерманской языческой мифологии, которые в свою очередь отразились в «христианских» текстах средневековой культуры.

О своеобразном восприятии материи и духа в немецкой средневековой религиозной культуре говорит средневековая немецкая поэма «Аннелид» («Annolied», около 1100 г.) В этой поэме во Введении дается авторская трактовка происхождения сущности человека. Были созданы изначально два царства – царство земное и царство небесное. Смешав их, Бог создал третью сущность – человека, который оказался между двух миров. Так, материальный, земной мир изначально противопоставлен небесному как изначально несовершенный. Человек принадлежит двум мирам, откуда и проистекает его несовершенство.

Очевидными носителями гностических идей в раннесредневековой Европе были еретические движения. Через манихейство и его трансформацию — павликиан — гностицизм проявил себя в богомильской ереси, проникшей в Западную Европу в ходе столкновения с культурой Востока в эпоху крестовых походов. Традиционно выстраиваемая в исследовательской литературе «еретическая цепочка» преемственности выглядит примерно так: гностицизм - манихейство - павликианство - богомильство - альбигойская ересь и катаризм.

Расцвет движения катаров приходится на XII-XIII вв. (на германских землях — в Госларе и в Майнце). Фактически катаризм представляет собой модифицированную версию гностицизма: то же представление о добром и злом боге, демонизация материи, вера в предопределение спасения, отрицание свободы воли.

У Эшенбаха Грааль охраняют посвященные — тамплиеры. Но духовность тамплиеров отличалась от духовности катаров: «Духовность ордена Храма, вдохновляемая духовность св. Бернара возносила почитание Девы Марии, восхваляла иудейскую Библию (в отличие от катаров) и не представляла себя без нерушимой верности церкви» [12, с. 155].

По своему мировоззрению катары были близки к гностикам. Катары считали, что Иисус был полностью духовной сущностью, то есть им был свойственен гностический докетизм, с которым так боролись Отцы церкви в первые века христианства. Также они верили в предопределение спасения, в переселение душ, во враждебность материи, признавали избранничество от рождения (высшая каста в общине катаров), наличие двух враждующих миров — Доброго Бога и Злого Бога (Бога Ветхого Завета). Таким образом, Грааль оказывается почти гностической реликвией — символом тайного знания, дарованного в откровении, — гносиса.

Деление на ересь и догму в средневековой культуре было весьма условным. Даже если не касаться того, что многие признанные церковные традиции и даже праздники восходили исключительно к апокрифам, «из апокрифов "вырастали художественные произведения", в том числе и «Роман о Граале» [7, с. 34]. Именно Грааль, на наш взгляд, стал средневековым символом гносиса — тайного знания для посвященных. «Грааль — это табуированная тайна, невидимая для недостойных, но и достойным являющаяся то так, то иначе, с той или иной мерой "прикровенности"» [1, с. 317].

Сам по себе образ Грааля не принадлежит германской культуре. В ходе крестовых походов кельтская легенда о Граале — чаше, в которую собрали кровь Христа, — слилась с восточной традицией, в том числе и герметической, и утвердилась в западноевропейской культуре в качестве символа гносиса.

Первое достоверное употребление слова «Грааль» в старофранцузском языке мы находим в «Романе о Персевале» знаменитого поэта Кретьена де Труа. Там слово «Грааль» очевидным образом означало нечто вроде следующего: «большое блюдо для рыбы, изготовленное из драгоценного металла». Именем собственным оно стало в романе Робера де Борона.

В германской версии истории о Граале — в романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» — Грааль оказывается камнем, который вместе с копьем Лонгина хранится в таинственном замке Мунсальвеш (нем. Munsalväsche, от фр. Monsalvage — «мое спасение»).

Светлейших радостей исток,
Он же и корень, он и росток,
Райский дар, преизбыток земного блаженства,
Воплощенье совершенства,
Вожделеннейший камень Грааль... [13, с. 374]

Подход Вольфрама к своему рассказу о Граале, по наблюдению Т. Чёртона, почти алхимический, поскольку Грааль отождествляется с Камнем. Герметизм частично отражает гностическое мировоззрение, считается «приближенной к алхимической литературе и некоторым греческим и коптским магическим папирусам, имеющим примесь гностических представлений» [7, с. 57]. Традиционно герметизм рассматривается как разновидность языческого гностицизма. В «Герметическом своде» есть трактат «Кубок, или Единство», в котором рассказывается о некоей чаше. Этот текст явно гностического толка был написан ок. 200-300 гг. в Александрии.

«Гермес: Бог одарил всех людей рассудком, но не умом [нус]; это не из зависти к кому-либо, ибо зависть ему чужда, она не нисходит сверху, она рождается в душах тех людей, которые лишены ума.

Тат: Почему же, отче, Бог не наделил умом всех людей?

Гермес: Он желал, о, сын мой, установить его среди душ как награду, которую нужно заслужить.

Тат: И где он его установил?

Гермес: Он наполнил им большой кубок и поручил нести его посланцу, приказывая ему возвещать сердцам людским следую-

щее: «Освятитесь, если можете, в этом кубке, вы, которые верите, что возвратитесь к тому, кто это послал, вы, которые знаете, зачем вы рождены».

И все те, кто ответил на этот призыв и был освящен в Уме, приобрели Знание и стали посвященными Ума, людьми совершенными. Те же, кто не прислушался к призыву, те наделены лишь рассудком, они поистине владеют рассудком, но не умом, и не знают, зачем и кем сотворены» [2].

В тексте Эшенбаха присутствует упоминание имени Табита ибн Куры — сабейского ученого-энциклопедиста, считавшего Гермеса своим пророком, а свод герметических книг — своим писанием. Он упоминается в XIII главе «Парцифалья» как философ, «познавший сложные искусства». По мнению Т. Чёртона, весь «Парцифаль» — онемеченное восточное предание» [12, с. 227-228].

Впоследствии Р. Вагнер в своей опере «Парсифаль» объединяет Грааль и копьё, хранителем которых становится один человек — король Титурель. При этом Грааль из камня превращается в чашу, что больше соответствует герметической традиции.

Грааль — не просто реликвия, а посвящение, открытие сокровенного. Фактически — это знание, дарованное в откровении.

Да, силой обладал чудесной
Святой Грааль... Лишь чистый, честный,
Кто сердцем кроток и беззлобен,
Граалем обладать способен... [13, с. 375]

В раннегерманских культурах гносис нередко символизируется рунами, нанесенными на копьё Одина. В «Парсифале» аналог этому можно видеть в письменах, проявляющихся на Граале — именах его хранителей, т. е. «избранных», «посвященных», достойных сакрального знания-откровения Грааля.

Чудесная надпись ничем не стирается,
А по прочтении, за словом слово,
Гаснет, чтобы появиться снова
Дальнейший список в урочный час,
И так же, прочтённый, погас... [13, с. 471]

Копьё Одина с письменами, как и камень у Эшенбаха, по сути являются мистическими символами христианства: копьё — символ милосердия Лонгина, удар которого довершает искупительную жертву, мистический переход из страдательного мирского

состояния в просветленное духовное... Письмена же и на том, и на другом — мистический, гностический элемент.

Символ зова фундаментален для восточного гностицизма: «Символ зова как формы, в которой надмирное появляется в пределах мира, настолько фундаментален для восточного гностицизма, что мы можем даже обозначить мандейскую и манихейскую религии как «религии зова» [6, с. 91].

В гностическом Евангелии Истины читаем: «Те же, чьи имена Он знал в Начинании, названы были в Конце, чтобы тот, у кого есть Знание, был тем, чьё имя произнёс Отец. Ибо тот, чьё имя не было названо — невежда. В самом деле, как кто-то услышит, когда имя его не было названо? Ибо тот, который невежда до самого Конца — творение Забвения, и он исчезнет вместе с ним. А если нет, то как же у тех несчастных (могло) не быть имени, (чтобы) их нельзя было назвать? Поэтому если у кого-то есть Знание, то (оно) свыше. Если он назван, то он слышит, он отвечает, и он поворачивается к Тому, кто зовёт его, и восходит к Нему. И он знает, каким образом назван он. Обладая знанием, он выполняет волю Того, кто позвал его, он желает угодить Ему, он обретает покой. Имя каждого приходит к нему» [4].

Грааль — это камень особой породы:

Lapsit exillis — перевода

На наш язык пока что нет...

Он излучает волшебный свет,

Пламя, в котором, раскинув крыла,

Птица Феникс сгорает дотла,

Чтобы из пепла воспрянуть снова [13, с. 470]

В этой особенности Грааля можно видеть указание на возрождение, переселение душ, перерождение — мотив, находящий прямые параллели в воззрениях катаров. В этом контексте характерен образ Парцифалья, стремящегося к Граалю.

Парцифаль:

«Душу мою застилает мрак...

Не нужно радости мне людской,

И я назад к Вам не приду,

Пока Грааль вновь не найду...» [13, с. 425]

Воспитанный в неведении относительно своего происхождения и призвания (мотив незнания наряду с откровением был важен для гностиков), Парцифаль в итоге становится королем

Грааля, к чему он неустанно стремится – постичь сокровенную тайну волшебного камня. В этом стремлении он закономерно сопоставим с более поздним символом немецкой, а потом и европейской культуры – Фаустом, гностическая составляющая которого не вызывает сомнений [10].

«Парцифаль – Фауст XIII века. Это все тот же бессмертный человеческий тип, высший тип человечества, не удовлетворяющийся настоящим, вечно стремящийся вперед к совершенно неясному, но смутно чувствуемому идеалу. Парцифаль, как и Фауст, заблуждался, глубоко падал, переживал тяжелую пору сомнения и, как Фауст, наконец нашел свой идеал, достиг наивысшего мгновения своей жизни. Идеал его – высшее, духовное рыцарство, Св. Грааль, религия... Душа человека мощного проходит сквозь сомнение, как золото сквозь огонь; она становится еще чище, еще светлее, еще ближе к своему божественному первоисточнику» [5].

И тот, и другой оправдали свои ошибки своим стремлением, ставшим смыслом жизни: «Чья жизнь в стремлении прошла, того спасти мы можем....» («Фауст» И. В. Гёте).

В романе четко прописана идея предопределения. «Парцифаль направляет на светлый путь истины посторонняя воля... Рай сам идет навстречу к нему» [5]. Есть особый смысл в том, что Парцифаль не просто так по достоинствам душевным становится королем Грааля, но по рождению – по крови, по роду храмовников, к которому он принадлежит. Ему предрешено по рождению быть спасенным, стать королем Грааля. Конечно, он должен совершить ряд усилий, чтобы оправдать это призвание. Но такая «избранность» напоминает о гностическом делении на «избранных», «пневматиков», которые могут спастись, и «соматиков», обреченных на неведение и уничтожение.

Новаторство Эшенбаха в том, что хранителями Грааля являются храмовники (тамплиеры). Тамплиеры, которым «была свойственна духовная автономия», проявляли лояльность к катарам, потому подозревались в связи с ними [7]. Но если катары изначально были еретиками, то тамплиеров таковыми сделал позже Филипп Красивый. Не затрагивая политических мотивов такого «признания», стоит отметить, что «духовно-рыцарские ордены, и в первую очередь тамплиеры... впитали в себя некоторые философские течения Востока», что сказывалось на их отношении к еретикам [3].

Расположение Мунсальваша (Лангедок) трудно назвать случайным. С одной стороны, этот регион был центром катарской ереси, с другой — в силу ряда факторов в ордене тамплиеров традиционно наиболее многочисленным был окситанский ланг (Лангедок), с третьей — местная аристократия, включая графов тулузских, чрезвычайно активно участвовала как в крестовых походах, так и в испанской Реконкисте, что способствовало её ознакомлению с гностико-герметической традицией.

Свидетельством символической связи между тамплиерами и гностиками считается тамплиерская печать «абраксус» со словами *Secretum Templi* (относящимися к сокровищнице тамплиеров) вокруг гностического символа, описанная Сильвией Бимон в диссертации. Это фигура с петушиной головой и двумя змеями вместо ног.

Локальная кельтская легенда о чаше, уже несущая гностические коннотации, вместе с рядом других мотивов кельтского эпоса стала общеевропейской. В эпоху крестовых походов, в столкновении и взаимодействии с Востоком легенда о Граале еще сильнее насыщается гностическими мотивами и при этом актуализируется, входит в моду. Как следствие, происходит адаптация обретшей новые качества легенды о Граале к только-только складывающимся в Западной Европе национальным культурам — сперва французской, потом немецкой.

Безусловно, средневековые феодалы вступали в рыцарские ордена не только и не столько ради приобщения к духовным тайнам, сколько ради возможности разбогатеть в ходе крестовых походов. Поэтому, скорее всего, духовная жажда тамплиеров сильно преувеличена и мифологизирована. Однако нельзя не отметить, что именно идеологическая и религиозно-мистическая составляющие делали оргструктуру орденов прочной, иерархичной, управляемой и внутренне сплоченной. Судя по произведению Эшенбаха, романтизация орденского благочестия была свойственна тем, кто находился за рамками самих орденов. То, что храмовники оказываются хранителями Грааля, составляет специфически немецкую особенность сюжета о нем.

На наш взгляд, эта особенность восходит к традиции священных воинских союзов у древних германцев (дружина Одина). Один, в свою очередь, является добытчиком гносиса (повешение на древе, священные руны, копьё с письменами). Поступок Одина — обряд инициации — посвящения, приобщения к сакраль-

ному дорогой ценой. Такой обряд предполагает существование группы посвященных, избранных, которым только и доступно это знание. Избранные – воины Одина, они же – посвященные.

Как отмечает А. Д. Михайлов, «в уставе Мунсальвеша больше от типичных средневековых (в частности, еретических) морально-этических утопий, чем от распорядков католических орденов» [9, с. 22]. Несмотря на то, что сообщество Грааля представлено как антисловное и наднациональное и принимает как христианина (Парсифаля), так и язычника (Фейрефиц), все же постичь тайну Грааля могут только избранные. «Утопия Грааля с ее наследственной королевской властью, с Граалем – волшебным камнем, а не чашей евхаристии, – с суровостью ее устава, не исключаящего, однако, ни «куртуазности», ни известного гедонизма, ни красочной полнокровности жизни, несомненно, отразила настроения и движущие силы ряда ересей и может быть в какой-то мере сопоставлена с ранним христианством, еще не осложненным и не трансформированным нормирующей политикой католической церкви» [9, с. 23].

Подобная интерпретация сообщества Грааля может быть определена как специфически немецкая особенность понимания сакрального – сообщества просветленных, которые в то же время являются и воинами в полном смысле этого слова – не только в духовном мире, но и в земном. «Вольфрам грезит о некоей теократической элите рыцарства, получающей прямые послания с неба... На передний план выходит мысль о предназначении, неявная во французском романе: рыцари Грааля – это привилегированные обладатели божественной благодати, избранные, и надписи, появляющиеся на таинственном камне, поочередно указывают на них» [14, с. 177-178].

Специфически германские механизмы рецепции гностических идей применительно к сюжету о Граале, на наш взгляд, состоят в следующем: носителем гносиса – тайного знания – выступает рыцарство, объединенное в закрытую орденскую структуру; приобщение к тайному знанию, инициация оказывается сопряжена с завоеванием, странствием, авантюрой и т. п.; гнозис балансирует на динамичной, зачастую неуловимой грани между догматом и ересью, периодически переступая эту грань. Позднейшее развитие немецкой культуры, вплоть до «фаустовского человека» О. Шпенглера, во многом предопределено этими особенностями восприятия и трансляции гностических идей.

Литература

1. Аверинцев, С. С. Мифы народов мира / С. С. Аверинцев. - М., 1980. - Т. 1, - С. 317.
2. Герметический Свод. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://apokrif.fullweb.ru/hermes/germ4.shtml>.
3. Дударев, С. Л. Альбигойская ересь и первая инквизиция. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-2804605-pall.html>.
4. Евангелие Истины [Электронный ресурс]. - Режим доступа <http://booksonline.com.ua/view.php?book=150242>.
5. Иванов, К. Трубадуры, труверы, миннезингеры [Электронный ресурс]. - Режим доступа http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/ivanov/03.php.
6. Йонас, Г. Гностицизм (Гностическая религия) / Г. Йонас. - СПб.: Издательство «Лань», 1998. - 384 с.
7. Витковский, Е. «Блюдо для рыбы», или Легенда как смысл жизни / Е. Витковский. - М., 2002. - С. 7-38.
8. Мельвиль, М. История ордена тамплиеров [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Melv/index.php.
9. Михайлов, А. Д. Роман и повесть высокого Средневековья / А. Д. Михайлов // Средневековый роман и повесть. - М.: Художественная литература, 1974. - С. 5-27.
10. Сельченко, Е. К. Рецепция идей гностицизма в «Фаусте» И. В. Гёте [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/selchenok_ek.doc.pdf.
11. Шафаревич, И. Р Социализм как явление мировой истории. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://shafarevich.voskres.ru/index.htm#Socio>.
12. Чёртон, Т Гностическая философия. От древней Персии до наших дней/ Тобиас Чертой; пер. с англ. К.А. Зайцева. - М.: РИПОЛ классик, 2008. - 464 с.
13. Эшенбах, Вольфрам фон. Парцифаль / Вольфрам фон Эшенбах // Средневековый роман и повесть. - М.: Художественная литература, 1974. - С. 261-581.
14. Frappier, J. Le graal et la chevalerie / J. Frappier. - Romania, 1954. - LXXV. - P. 177-178.

АККУЛЬТУРАЦИЯ И ДИФФУЗИЯ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТЕРМИНОВ В КУЛЬТУРОЛОГИИ

Т. А. Працкевич

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: tatsiana.pratskevich@gmail.com